

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

в Италии в первой половине XX века

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РОССПЭН
Москва
2019

ВВЕДЕНИЕ

1. Масштабное русское присутствие в Италии ведет свой отсчет с XIX в. (в более ранний период были лишь эпизодические явления), и начало ему положили русские аристократы (Демидовы, Бутурлины, Трубецкие во Флоренции; Волконские, Бярятинские, Чернышевы в Риме; Олсуфьевы, Шереметевы, Оболенские в Сан-Ремо и др.) и художники (прежде всего в Риме, на Лигурийской Ривьере и в Неаполитанском заливе). Именно эти две категории граждан из России позволили говорить об относительно прочно закрепившихся на территории Италии русских сообществах. В остальном пребывание политических и культурных деятелей, решивших жить в Европе и провести какой-то период своей жизни в Италии (от Гоголя до Бакунина, от Герцена до Достоевского), или многочисленных русских путешественников, которые останавливались в Италии, представляло собой скорее факт биографии каждого из них или отдельную страницу в русско-итальянских отношениях, нежели существенный феномен в истории русского присутствия в Италии.

В начале XX в. в Италии появился новый тип эмигрантов – представители свободных профессий, интеллектуалы недворянского происхождения и студенты, по преимуществу принадлежащие к тем категориям населения, которым законодательство Российской империи ограничивало доступ в университет (женщины и евреи). Чаще всего за европейским образованием из России ехали в Германию и Францию, но поступали также в основные итальянские университеты (Болонья, Падуа, Неаполь, Рим). Многие из этих студентов выбрали в качестве окончательного места жительства принявшую их страну и внесли значительный вклад в ее культурную и общественную жизнь. Из женщин, например, *Ольга Ресневич-Синьорелли*, *Р.Г. Олькеницкая-Нальди*, *Д.Р. Кречманн-Гриццотти*, *Е.О. Кюн-Амендола*, *Рашель Гутман-Полледро*, *М.А. Крашенинникова-Джибеллино*, которые приехали в Италию в самом начале XX в. по стопам таких выдающихся представительниц предыдущего поколения, как *Анна Кулишьева*, *М.М. Бакунина*, *Александрина Равицца*, *Н.Д. Шаховская*. Таков и случай *В.Н. Забугина*, который в 1903 г. приехал в Рим, чтобы углубить свои познания в области итальянского гуманизма, и стал профессором Римского университета. Его имя следует включить в число тех немногочисленных русских ученых, которые в первые десятилетия XX в. занимались научной деятельностью в Италии. Среди них специалист в области российско-

итальянских отношений *Е.Ф. Шмурло*, прибывший в Италию в том же году, что и Забугин, и переехавший в Прагу в 1924 г., или историк-медиевист *Н.П. Оттокар*, который занимался научной работой во Флоренции (1911–1914), вернулся в этот город в 1924 г. и преподавал во Флорентийском университете вплоть до 1950-х гг. Лишь отчасти можно сравнить с этими учеными представителя следующего поколения – *Леона Гинзбурга*, который получил образование в Италии и сыграл важнейшую роль в истории и культуре этой страны: выдающийся представитель русской Италии – интеллигент-антифашист, ученый, исследователь русской культуры, внимательный переводчик, он стал также соучредителем издательства «Эйнауди» («Einaudi»), сыгравшим после Второй мировой войны ключевую роль в радикальном обновлении итальянской культуры.

В первые годы XX в. русские, жившие в Италии, остро ощутили необходимость сплотиться и привести новые формы в жизнь русских общин, которая до того вращалась исключительно вокруг русских православных церквей в Риме и Флоренции (см. *Православные церкви в Италии*). Так возник целый ряд культурных организаций светского характера, а именно первые публичные библиотеки: в Риме в 1902 г. открылась *Библиотека им. Н.В. Гоголя*, в Милане в 1903 г. – *Общество Русской библиотеки*; в Неаполе лишь в 1921 г. появилась *Библиотека «Leone Tolstoi»*, в то время как во Флоренции Научно-литературный кабинет Дж.-П. Вьессе (Gabinetto Scientifico Letterario G.P. Vieusseux) стал местом встреч русских читателей, постоянно или временно проживающих в городе.

Русское сообщество в Италии обогатилось новыми и заметными представителями в начале XX в. благодаря волне политической эмиграции из России. Уже с самого начала XX в. многие российские подданные воспринимали Италию как страну свободы, где демократические и конституционные права не вступали в конфликт с практикой контроля над иностранцами в целях обеспечения общественного порядка. Такая идея государственного управления нашла своего главного приверженца в лице Джованни Джолитти, известного политического и государственного деятеля того периода. Сильная и решительно настроенная социалистическая партия в Италии, имевшая связи с выдающимися представителями русских социалистических движений (в частности, с *Г.В. Плехановым* и *В.М. Черновым*) и с социалистическими партиями

Второго Интернационала, также позволяла поддерживать демократический дух в политической жизни страны. Показательными в этом отношении можно назвать два события. Это официальный визит императора Николая II в 1903 г., который был перенесен в результате протестов, организованных демократическими силами Италии, а также освобождение *М.Р. Гоца*, задержанного итальянской полицией по требованию российского Охранного отделения, добывавшегося его экстрадиции, М.Р. Гоц был освобожден под давлением со стороны итальянской общественности и прежде всего социалистов, членов Парламента.

Таким образом, многие политические эмигранты из России (в том числе участники террористического движения) получили в Италии возможность жить в условиях законности и соблюдения прав личности, а также активную поддержку со стороны социалистических кругов.

Репрессии, последовавшие за революцией 1905 г., и приезд *Максима Горького* в Неаполь в 1906 г. привлекли в Италию многих представителей революционного политического движения, значительная часть которых поступила в итальянские университеты. По инициативе студентов в Неаполе, в квартале Вомеро, была открыта маленькая Русская библиотека. В том же году в Италии появился некий Иван Тимковский (о нем сохранилось совсем мало сведений), который при помощи итальянских социалистов организовал в различных городах (Генуе, Милане, Риме, Венеции и Неаполе) русские трудовые организации – по всей вероятности, очень небольшие (вся информация о них известна нам только по докладам полиции), однако сам факт их возникновения указывает на значительное число русских, искавших работу в наиболее крупных итальянских городах.

Вслед за Горьким многие политические эмигранты поселились на острове Капри, где сложилась небольшая русская колония со своей библиотекой, которой руководил *А.А. Золотарёв*. На этом «живописном камушке подле Неаполя» (*Луначарский А.В. Горький на Капри // Огонек. 1927. 30 окт. № 44. С. 36*) вместе с *А.В. Луначарским* и *А.А. Богдановым* писатель организовал для рабочих *партийную школу на Капри* (за которой последовала *партийная школа в Болонье*). Дом Горького на Капри во время его первого пребывания (осень 1906 – конец 1913) стал местом встречи многих политических эмигрантов и случайных гостей. В это время на Капри жили выдающиеся политические и революционные деятели (Ленин, Троцкий, Плеханов, *Г.А. Лопатин*), знаменитые артисты, писатели и художники (от *Ф.И. Шаляпина* до *И.А. Бунина*, *Л.Н. Андреева*, *А.В. Амфитеатрова*). К русскому писателю приезжали различные представители итальянской культуры, которых привлекали его литературная слава и активная гражданская и политическая позиция.

Итальянская пресса уделяла значительное внимание фигуре Горького, пребывание которого в Италии представляет собой отдельную главу в политических и культурных отношениях России и Италии: см. статью *Колония вокруг Горького на Капри и в Сорренто* и статьи, посвященные как членам семьи Горького (*Е.П. Пешкова*, *М.А. Пешков*, *Н.А. Пешкова*, *З.А. Пешков*, *Л.П. Бураго*, *Е.З. Пешкова*, *Мария Андреева*, *М.И. Будберг*, *Н.Е. Буренин*), так и друзьям и гостям писателя в период его пребывания в Италии (*В.Ф. Ходасевич*, *Н.Н. Берберова*, *В.М. Ходасевич*, *А.Р. Ди-*

дерикс, *Л.М. Леонов*, *К.П. Пятницкий*, *Б.Д. Григорьев*, *И.И. Бродский*, *С.Т. Конёнков* и др.). Заметим, что, живя на Капри, писатель принимал живое и по-человечески теплое участие в жизни страны. В частности, он был активным сторонником оказания помощи Италии после землетрясения в Мессине в 1908 г., когда российские броненосцы, стоявшие в порту Аугуста, под командованием генерала *В.Ф. Пономарёва* пришли на помощь разрушенному стихией городу и спасли тысячи человеческих жизней.

Еще одним пристанищем для российских политических эмигрантов был Милан – экономический и финансовый центр так называемой промышленной революции эпохи Джолитти (*Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Bologna: Cappelli, 1972. P. 65*). В Милане немаловажную роль играла социалистическая партия, активно работало Гуманитарное общество (*Società Umanitaria*), в программу деятельности которого входили социальная помощь, борьба с безработицей, профессиональное и культурное образование, действовал Народный университет (*Università popolare*), основанный в 1901 г. с целью распространения среди малоимущих классов научного, технического и гуманитарного образования. Около 300 русских эмигрантов, как следует из донесений полиции, были так или иначе вовлечены в трудовую и социальную жизнь города.

Значительная часть политических эмигрантов из России жила на Лигурийском побережье (заметные и многочисленные группировки складывались здесь вокруг харизматических фигур Амфитеатрова, Плеханова и Чернова): с одной стороны, отсюда можно было быстро добраться до Швейцарии и Франции – излюбленных мест пребывания эмигрантов, с другой стороны, Лигурия с ее климатом и медицинскими учреждениями идеально подходила для отдыха и лечения. Некоторые эмигранты подолгу жили на побережье в курортных лечебницах, где работали русские врачи (*А.С. Залманов*, *В.Е. Мандельберг*, *Р.М. Плеханова*, *Е.Я. Столкин*). Большая часть русских революционеров жила в Нерви. Из докладов сотрудников общественной безопасности следует, что в 1909 г. русская община в Нерви составляла 350 человек, из них 120 (наиболее обеспеченные) проживали в гостиницах, другие «жили скученно в съемных комнатах», однако всего несколько месяцев спустя число русских возросло до 580, а в марте 1911 г. составляло более 800 человек (ACS. PS. 1909. B. 1. F. Nervi. Colonia russa).

Общество русских политических эмигрантов составляли главным образом представители русского социалистического движения в разных его проявлениях, а также их ближайшее окружение (члены семьи, друзья, соратники). В документах итальянской полиции обо всех без разбора русских эмигрантах говорится как о «террористах» и «анархистах» (на самом деле в большинстве своем это были социалисты-революционеры), находящихся в контакте со своими соотечественниками и единомышленниками, проживающими на французском побережье или в Париже. Подобное определение не должно вызывать удивление – в те годы во всей Европе слово «русский» означало «террорист» и «анархист». В числе эмигрантов, действительно, были и представители Боевого отряда ПСР (*Б.В. Савинков*, *Н.С. Климова*, *К.К. Памфилова*, брат *Е.Ф. Азефа* Владимир и др.). В жизни русских революционеров в эмиграции сохранялись не только прежние

традиции и привычки, но и те же разногласия, что и в России; как вспоминает дочь Чернова, Наталья Резникова: «До первой мировой войны мы прожили несколько лет за границей, сперва во Франции, потом, в 1911 году, переехали в Алассио, недалеко от Генуи. У нас была большая белая дача над морем. Жизнь нашей семьи проходила совсем особенно: в Италии, на Средиземном море, мы продолжали жить жизнью России. Дома язык был русский, с нами была русская няня. Постоянно приезжали новые люди, привозили вести, рассказывали о том, что происходит в России, в революционном движении. Велись долгие споры на политические и социальные темы» (*Резникова Н.В.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. С. 32).

Русские эмигрантские сообщества на территории Италии характеризовала подвижность (прежде всего это касается *русской колонии в Лигурии*): испытывая материальные трудности или пытаясь скрыться от контроля итальянской или русской полиции, эмигранты были вынуждены часто перемещаться из одного города в другой. Такое кочевничество лишь усугубляло чувство внутреннего дискомфорта и ощущение оторванности, обостряя исконную тенденцию к разногласиям внутри сообществ.

В марте 1913 г. был созван «Первый съезд русских культурных и экономических общественных организаций в Италии», целью этого собрания было оценить силы и определить перспективы политической эмиграции в Италии. Съезд прошел в Риме в помещениях *Русской библиотеки им. Л.Н. Толстого* на виа Систина, где собрались представители русских общин Капри, Рима, Неаполя, Нерви и Милана: *И.И. Шрейдер*, его брат *Г.И. Шрейдер*, пользовавшийся большим авторитетом в русской колонии Рима, *М.А. Осоргин*, *П.Б. Шаскольский*, *С.М. Певзнер* и др. Членами секретариата были *Д.И. Курфюрст* и *Я.Е. Вахман*.

Это собрание имело большое значение для русской эмиграции социалистического направления: выходяцы из России, годами вынужденные довольствоваться случайными встречами во избежание контроля со стороны царской полиции, а также в силу своей материальной стесненности и разбросанности по всей Италии, впервые получили возможность встретиться в Риме и обсудить актуальные проблемы и задачи на будущее. Удрученные насущными заботами, полемикой внутри групп (между сторонниками «ортодоксальной» и «независимой» линии поведения) и антагонизмом в межличностных отношениях, русские эмигранты попытались отвлечься от тягостного ощущения настоящего и обдумать совместные планы. Инициатива созвать Съезд принадлежала Горькому и русской общине на Капри, на этот призыв отозвались и многие русские студенты, учившиеся в итальянских университетах, а также некоторые представители социалистических кругов, вернувшиеся вскоре в Россию, чтобы вновь переехать в Италию после Октябрьской революции.

Алексей Золотарёв, открывавший Съезд, подчеркнул в своем докладе важность культурных и гражданских задач, стоящих перед русской эмиграцией. Он говорил о необходимости сохранять унаследованные ценности для будущей России, не забывая и о важности интеграции в итальянское общество, призывал соотечественников смотреть в первую очередь в будущее, не изолироваться, активно участвовать в культурно-социальной жизни

страны и считать Италию своей второй родиной. В то же время он призвал всех знакомить Италию с Россией, устанавливать более тесные связи между итальянским и русским народом и двумя культурами. Так была предложена широкая программа, необходимая не только для того, чтобы вывести эмигрантов из тупика партийных споров, но и для успешной адаптации русской диаспоры к культурной жизни Италии. Планировались цикл лекций об итальянской культуре для русских слушателей и о русской культуре для итальянцев, публикация материалов о России в итальянской печати, создание в Италии музея русского социалистического движения, учреждение русско-итальянского издательства и другие инициативы (ср.: *Tamborra A.* *Esuli russi in Italia.* Bari: Laterza, 1977. P. 79–86).

В результате амнистии 1913 г., вернувшей на родину многих политических эмигрантов, и из-за начавшейся Первой мировой войны ни один из этих проектов не был осуществлен. Тем не менее попытка объединить силы русских, живших в Италии, не прошла бесследно: выработанный «план действий» оказался востребован спустя несколько лет, когда к дореволюционным эмигрантам присоединились вновь прибывшие из России.

К этому краткому обзору следует добавить упоминание еще о нескольких местах, входящих в «географию» жизни русских в Италии в начале века, не затронутых волной политической эмиграции: это Мерано с *Русским домом им. Бородинной* (ставшим для многих русских, представителей дворянства и других сословий, здравницей), Венеция (традиционно привлекавшая русских путешественников и деятелей культуры и искусства, но редко выбираемая для постоянного жительства, в энциклопедии присутствует статья о кладбище *Сан Микеле*) и Бари (в основном место паломничества к мощам Николая Чудотворца: храм, посвященный святителю, начал строиться в 1913). Там русские колонии в прямом значении этого слова не возникли.

2. После революции 1917 г. поток эмиграции из России направился в места, ранее отмеченные присутствием русской диаспоры. Каждой из русских «колоний» в энциклопедии посвящена отдельная статья (к примеру, *Колония в Риме*), содержащая сведения о возникновении местной русской общины, имена главных ее представителей и описание ее деятельности. Разбросанность русской диаспоры обусловлена спецификой итальянского общества и культуры того времени, а именно полицентризмом итальянской культуры, который сохранялся долгое время и после административно-политического объединения страны. После 1861 г. Италия – политически единое государство, в котором, однако, отсутствует центр притяжения, каким был Париж во Франции, Берлин в Германии или Прага в Чехословакии. Тем не менее столица Италии – центр административной и политической жизни страны – безусловно, играла особую роль, в том числе и для русской диаспоры, сложившейся здесь после Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войны.

В истории такого крупного явления, как первая волна русской эмиграции, роль Италии не сопоставима с ролью славянских стран, Франции или Германии (по крайней мере, до конца 1920-х гг.). Сэр Дж. Хоуп-Симпсон писал в своем исследовании о положении беженцев разных национальностей в европейских странах перед началом Вто-

рой мировой войны: «В 1920–1921 годах путь многочисленных эмигрантов из России проходил через Италию. Однако в те годы страна находилась в неблагоприятном экономическом положении, что затрудняло трудоустройство приезжих. Большинство русских, приехав в Италию, вскоре направлялось во Францию или Германию. В 1923–1924 годах экономическая обстановка в Италии стала улучшаться. При этом в портах были введены ограничения по въезду, и ищущих работу иностранцев перестали пускать на территорию страны. Небольшая колония русских эмигрантов, которая все же обосновалась в Италии в предыдущие годы, значительно сократилась» (*Hope Simpson J. The Refugee Problem: Report of a Survey. London: Oxford University Press, 1939. P. 398*). Это сжатое заключение хорошо передает ситуацию, в которой оказались русские беженцы в Италии, однако нуждается в ряде дополнений.

Данные о числе эмигрантов, оказавшихся на территории Италии, как и данные об общем числе русских, разбросанных по миру, противоречивы и зависят от того, кем, каким образом и в какое время были собраны. Министерство иностранных дел Италии, основываясь на докладах итальянских префектур (в свою очередь, использовавших данные, полученные посредством опроса, на который русские в Италии ответили на добровольной основе), в августе 1920 г. сообщило в ответ на запрос Лондонского благотворительного комитета, что число русских в Италии немногим превышает 700 человек (*ACS. PS. 1921 A11. V. 12. F. 4 Sudditi russi*), тогда как американский Красный Крест на 1 ноября 1920 г. насчитал 20 000 русских (*Hope Simpson J. The Refugee Problem: Report of a Survey. P. 82*). Это крайние цифры, есть и другие, более умеренные данные, которые также отличаются друг от друга. Если верить Главному справочному бюро, созданному в мае 1920 г. в Константинополе по инициативе графини В.Н. Бобринской для сбора сведений и выдачи справок о местонахождении русских эмигрантов, в январе 1921 г. в Италии было 15 000 русских эмигрантов. Этим цифрам соответствуют данные на тот же 1921 г., собранные в Париже Российским земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей. По оценкам А.Ф. Изюмова, основывающимся на данных, которыми располагал в Праге Русский заграничный исторический архив, в 1922 г. в Италии было от 8000 до 10 000 русских (*Ibid.*). Вполне возможно, самые большие цифры из указанных выше за 1920–1921 гг. включают данные, предоставленные Отделом по военнопленным итальянского Министерства обороны о числе русских военных в Италии – бывших военнопленных, возвращение которых на родину происходило именно в этот период. Так, в том же 1922 г. Российское посольство в Италии насчитало около 5000 эмигрантов на территории Италии (*Петрушева Л.И. Русская эмиграция в Италии по документам Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 114*). В статистических данных по русским эмигрантам в Европе, собранных Управлением Верховного Комиссара ООН несколько лет спустя, в 1930 г. для Италии приводится цифра 1154 (*Hope Simpson J. The Refugee Problem: Report of a Survey. P. 398*).

Очевидно, что прийти к каким-либо окончательным цифрам в этой области весьма сложно. На основании дан-

ных итальянского Центрального государственного архива (ACS) удалось установить, что в 1919–1928 гг. Отделом общественной безопасности Министерства внутренних дел Италии было зарегистрировано около 12 000 ходатайств русских о въезде в Италию, большинство из которых было удовлетворено. Из этих документов следует, что число ходатайств о въезде увеличивается вдвое с 1919 (342) по 1920 г. (745), достигает максимума в 1921 г. (1092), в 1922 г. возвращается к прежнему уровню (672) и вновь резко вырастает в 1923 (2786), 1924 (1121), 1925 (1665), 1926 (1660), 1927 (1294) и 1928 (1300) гг. По-видимому, имело место явление, зафиксированное в «Информационном листке» Земгора № 27 от 16 октября 1923 г.: русский Берлин начал разъезжаться, «почти все состоятельные люди уехали или уезжают во Францию, а менее обеспеченные в Висбаден, в Баварию и в Чехословакию. В последнее время замечается и отъезд в Италию, где жизнь считается дешевле, чем во Франции» (цит. по: *Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 179*).

По приведенным выше данным можно составить представление о числе эмигрантов, официально въезжавших в Италию, однако они ничего не говорят ни о въезжавших нелегально, ни о незарегистрированных (регистрации не подлежали дипломатические работники, а также въезжавшие из Франции и Англии), ни о выезжавших из Италии. При всем разбросе и неточности цифр можно с достаточной уверенностью предположить, что в начале 1920-х гг. в Италии насчитывалось около 2000–2500 человек, тогда как к концу этого десятилетия число русских эмигрантов уменьшилось и не превышало 1500–2000 человек, по данным, собранным баронессой М.Д. Врангель (*Квакин А.В. Документы из Коллекции баронессы Марии Врангель в архиве Гуверовского института по истории русских в Италии // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. С. 130*). А в 1937 г., по данным, предоставленным Дж. Хоуп-Симпсону видным юристом и общественным деятелем русской эмиграции А.А. Гольденвейзером, это число снизилось до тысячи (*Hope Simpson J. The Refugee Problem: Report of a Survey. P. 398*).

Противоречивость этих цифр, безусловно, свидетельствует о крайне подвижном составе русской диаспоры в первые годы после исхода из России: либо эмигранты сознательно выбирали эту страну в качестве перевалочного пункта, либо покидали ее в силу сложных материальных условий; то, что в Италии русские не почувствовали необходимости провести перепись диаспоры (как это было в других странах), лишний раз подтверждает непостоянный характер русской миграции в Италии и низкий уровень ее самоорганизации.

Что касается социального состава (и это в полной мере отражено в статьях энциклопедии), «эмиграция в Италию была столь же неоднородной, как и в большинстве стран Европы» (*Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917–1939: сравнительно-типологическое исследование. М.; Берлин: DirectMedia, 2015. С. 405*). Преобладали, однако, дворяне (многие имели в Италии недвижимость, родственные связи или знакомства), интеллектуалы, политики, представители свободных профессий, деятели искусства, словом, все те, кто представлял собой остов оппозиции большевизму и являлся основной силой политической, социальной и интеллектуальной элиты Рос-

сийской империи. В этом отношении Италия вписывается в общую геополитическую картину, о чем свидетельствуют исследования феномена российской эмиграции в разных странах.

В 1919–1921 гг. русские добирались до Италии различными путями. По данным итальянской прессы, первые эмигранты прибыли в Венецию в 1919 г. на борту парохода «Клеопатра», который из Одессы доставил их сначала в Константинополь, а затем на итальянское побережье (эмигранты прибывали на этом судне и в последующие два года, см., например: Fame, peste e tifo in Russia. Racconti dei fuggiaschi del «Cleopatra» // *Il Giornale d'Italia*. 1921. 25 settembre. № 227. P. 2). В годы Гражданской войны по этому маршруту следовали многие русские эмигранты, которым затем Антанты помогала добраться до европейских и других стран. Другой путь – земли, граничащие с Италией на севере, куда эмигранты могли прибыть через балтийские страны, Германию или двигаясь на север с Балкан.

Документы, хранящиеся в архивах Италии, свидетельствуют о том, что итальянские власти не остались безучастными к отдельным гуманитарным мероприятиям: в апреле 1919 г. военные корабли итальянского морского флота приняли участие в эвакуации русских беженцев из Одессы, дав многим из них возможность добраться до Константинополя; 20 февраля 1920 г. пароход «Полацкий», упоминаемый Михаилом Булгаковым в «Записках на манжетах», отбыл из Константинополя с большим числом беженцев на борту; в феврале 1920 – январе 1921 г. по инициативе Италии и под ее юрисдикцией была основана колония для русских беженцев на острове Антигоны (ныне Бургазада) в Турции; Италия активно участвовала в оказании помощи русским беженцам, расселенным на Принцевых островах в Мраморном море возле Константинополя. Вместе с тем итальянские власти не сочли нужным взять на себя экономические обязательства, которые повлекли бы за собой политику приема беженцев, и не поощряли их приток на территорию Италии. Даже когда в конце 1920 – начале 1921 г. разгром белого движения на юге России вызвал волну беженцев и когда игнорировать гуманитарную катастрофу уже не представлялось возможным, пятое правительство либерала Джолитти подтвердило, что не намерено отказываться от проводимой политической линии: «Уже давно и с разных сторон на Италию оказывалось давление с целью получить большее содействие в гуманитарной области, но безуспешно. На постоянные призывы со стороны государств-союзников, различных органов Объединенных наций, русских и международных гуманитарных организаций, а также итальянских дипломатов и военных, имевших дело с беженцами, Итальянское правительство систематически отвечало отказом. Возможность контактов с беженцами была сведена к минимуму из сознательного желания избежать, чтобы на территории Италии возникли предпосылки для появления мощного потока эмиграции из России» [Accattoli A. *L'Italia e i rifugiati russi negli anni 1918–1924* // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания, архивы (1900–1940) / *Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940)*. Salerno: Europa Orientalis, 2015. P. 190].

Италия оказалась не готовой оказать содействие русским беженцам на том же уровне, что другие европейские

страны и международное сообщество, и эту политическую линию либеральных правительств в дальнейшем продолжило фашистское правительство Муссолини, который, по сути, разделял занятую либералами в этом вопросе позицию. Причины следует искать прежде всего в серьезном экономическом кризисе, который последовал за Первой мировой войной и, в свою очередь, повлек за собой политическую нестабильность и глубокое социальное неудовлетворение, а также несомненно в важной роли социалистического движения в жизни Италии: оно – по крайней мере в первое время – не было враждебно большевистскому режиму. Итальянское общество в большинстве своем с симпатией отнеслось к Февральской революции и смотрело благожелательно на происходящее в России, которая после Первой мировой войны для Италии оставалась страной-союзником: антигерманский фронт, объединивший Россию и Италию, породил солидарность, сохранявшуюся вплоть до конца 1917 г. После поражения Италии в битве под Капоретто и Октябрьской революции отношение к России изменилось – общественное мнение разделилось: социалистическая Италия приветствовала возникновение нового строя, тогда как либералы и националисты отнеслись к революции с враждебностью, со временем лишь возраставшей. В последующий период возобладало неоднозначное отношение к революционной России, оно проявлялось, с одной стороны, в откровенном недовольстве большевистской политикой, а с другой – в стремлении не рвать до конца отношения со страной, столь важной для политического и экономического равновесия Европы. Правительство, сменявшие друг друга вплоть до прихода к власти фашизма (октябрь 1922), то относились критически и враждебно к правительству Ленина (вплоть до решения участвовать в союзной военной операции на территории России), то выражали определенную готовность к диалогу, и тогда для других европейских стран Италия становилась связующим звеном в отношениях между Россией и Европой (правительство Нитти).

Политическая линия Италии не была достаточно четкой и в том, что касалось правового положения беженцев. Отношение итальянских властей к эмигрантам диктовалось, с одной стороны, соображениями политической целесообразности (желание поддерживать отношения с новым режимом в России), а с другой стороны – боязнью, что вместе с беженцами, просившими въездную визу в Италию, в стране окажутся большевистские агенты: прежде чем выдать визу, Министерство иностранных дел Италии через дипломатические представительства и консульства за границей собирало точные сведения о политических взглядах беженцев и о том, каким образом они будут содержать себя в Италии. Наблюдение за беженцами и высылка их из страны стали нормой для префектур на всей территории Италии. Тем не менее Италия получила директивы от Лиги Наций, касавшиеся русских беженцев, которые декретом советского правительства в декабре 1921 г. утратили гражданство и стали апатридами, и в начале 1923 г., не имея больше возможности считать действительными паспорта, выданные царским режимом, Италия начала выдавать паспорта Нансена (при этом беженцам, получавшим паспорт, не гарантировалась возможность обратного въезда в Италию, если они из нее выезжали). Фактически после 1924 г. итальянское прави-

тельство не рассматривало больше проблему юридического статуса «белых» беженцев.

Таким образом, русские эмигранты находили в Италии, как правило, дружественное расположение со стороны итальянского общества и пользовались поддержкой интеллектуальной элиты, но, по сути, не имели никакой помощи со стороны итальянских властей на государственном уровне. Между тем к их судьбе не остались равнодушными многие представители итальянской культуры, которые смогли в целом ряде случаев установить с русскими эмигрантами плодотворные отношения. Подтверждением тому служит статья Риккардо Баккелли «Русские эмигранты», появившаяся 10 января 1922 г. на страницах газеты «Il Resto del Carlino», в которой знаменитый писатель заявил: «Сейчас, когда вслед за признанием нового правительства начинается установление торговых договоров с большевиками, наш долг – почтительно подумать о тех, кто никогда не признавал, не признает и не признает коллективистское правительство, о тех, кто, оставаясь верным царю и после его отречения и гибели, всегда будет с грустью и горечью считать представителей нового режима узурпаторами и преступниками <...> одинокие, бедные, брошенные на произвол судьбы в странах, правительство которых по духу ближе скорее к большевистскому, нежели к царскому правительству, эти люди, с присущими им восточной щедростью и мягкостью, с аристократическим чувством достоинства, переживают свою беду в одиночестве с необыкновенной сдержанностью и с высочайшей скромностью. Словно играя в какую-то игру, они мужественно выбрали самые простые профессии и показали, как можно остаться настоящей дамой, подавая кофе мужлану, попавшему из грязи в князя <...>» (Emigrati russi // Tutte le opere di Riccardo Bacchelli. Vol. XXII. Milano: Mondadori, 1966. P. 432–433).

3. В сложившейся ситуации эмигрантам было необходимо создать в русских общинах собственные структуры, которые занимались бы приемом беженцев, оказанием помощи (в том числе со стороны международных организаций) и поддержкой связей с другими европейскими странами. Проведенное исследование показало значительную преимущество между ассоциациями и сообществами по приему и оказанию помощи беженцам, созданными русской диаспорой в Италии до и после революции. Так, все первые ассоциации, немногочисленные периодические издания и единственное издательство, появившиеся в Италии между 1917 и 1920 гг., возникли по инициативе людей, живших в Италии до Октябрьской революции (К.Л. Вейдемюллер, К.М. Кетов, Б.В. Яковенко, Г.И. Шрейдер и т. д.).

До 1917 г. помимо русских библиотек в Риме, Милане и на Капри и русских трудовых ассоциаций в Генуе, Милане и Неаполе в Италии существовали *Общество помощи русским нуждающимся и больным*, основанное Залмановым в Лигурии в 1909 г., *Общество русской библиотеки* им. Л.Н. Толстого (1912–1913), начавшее работу в Риме по инициативе Г.И. Шрейдера, *Общество им. А.И. Герцена*, основанное в Риме в 1915 г., члены которого придерживались неонароднического направления, а главное – были близки к Итальянской социалистической партии (информацию об этих и других организациях, жизнь которых часто была недолговечной, читатель найдет в соответствующих словарных статьях). В 1917 г.

под влиянием исторических событий один за другим возникли *Комитет помощи русским политическим беженцам* и *Комитет помощи русским в Италии*, оба при *Библиотеке им. Н.В. Гоголя* в Риме, при ней же появились Бюро труда и столовая. Задачей этих организаций была помощь как беженцам, так и русским, уже находившимся в Италии которые могли оказаться в трудном финансовом положении вдали от родины. Кроме того, в 1919 г. в Рим прибыла княгиня *З.Н. Юсупова*, которая на протяжении почти всего десятилетия много времени и сил уделяла проблемам русским эмигрантов в Италии, став их главным почитателем при представительстве русского Красного Креста в Риме. Филантропическим духом, характерным для деятельности русского дворянства XIX в., была проникнута деятельность *М.П. Демидовой*: благодаря ей и другим представителям русской диаспоры во Флоренции возникла сеть взаимопомощи – Национальный дом пребывания для военных тяжелых инвалидов им. Семена Абамелека (Casa nazionale di ricovero Simone Abamelek per il ricovero degli ultra mutilati di guerra), Союз инвалидов войны старого режима в Итальянском Королевстве (Unione degli invalidi di guerra vecchio regime nel Regno d'Italia) и с мая 1920 г. Комитет помощи русским эмигрантам (Comitato per l'aiuto agli emigrati russi), возглавляемый *И.А. Мусиным-Пушкиным*.

Комитеты, аналогичные римским и флорентийским, в дальнейшем появились также в других городах: в Неаполе в 1922 г. был создан *Комитет в пользу нуждающихся русских*, с того же года в Милане действовало *Общество помощи нуждающимся русским*; в Венеции и Триесте в 1921 была основана *Ассоциация помощи евреям – жертвам погромов*, большую часть которых составляли выходцы из бывших земель Российской империи.

Другие организации были связаны с Россией, с которой часть русских, живших в Италии еще до революции, имела связи, например *Бюро русской печати*, открытое в сентябре 1917 г. в Риме (по сути, являлось официальным агентством по печати Временного правительства) и *Русский институт* (с представительством в Милане, а затем в Риме). «Сложным – заметила И.В. Сабенникова, было положение в Италии русской интеллектуальной эмиграции, поскольку часть итальянской интеллигенции выступала за установление культурных контактов с новой Россией. С этой целью в феврале 1917 г. в Милане был создан “Русский институт”, а в 1920 г. – “Общество друзей России” во Флоренции, которое установило связи с московским “Обществом изучения Италии” (“Lo Studio italiano”). Однако по мере укрепления большевистского режима отношение к нему демократической интеллигенции Италии менялось», и после высылки из России в 1922 г. ученых и философов симпатии итальянцев в значительной степени оказались на стороне беженцев (*Сабенникова И.В.* География общественной мысли русского зарубежья // *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия* / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 42).

Более продолжительной оказалась в Италии деятельность организаций, которые не носили исключительно филантропический или открыто политический характер: они стремились сплотить русскую диаспору по всей Италии, и, как это было свойственно первой волне русской эмиграции во всем мире, осознавали важность своей мис-

сии для родины, т. е. «миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины» (*Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. Р. 14–15). В апреле 1918 г. в Риме при поддержке русского дипломатического представительства была основана *Русская лига возрождения Родины в тесном единстве с Союзниками*, в которой людей различной политической ориентации объединили неприятие большевистского режима и надежда на восстановление законной власти на родине. Лига ставила в известность интеллектуальные и политические круги Италии о трагическом положении в России после большевистского переворота и способствовала формированию должного отношения к этим событиям. Филиалы Лиги были открыты также во Флоренции и других итальянских городах. По оценкам итальянской полиции, Лигу поддерживало более трети русской диаспоры в Риме, половина – в Милане, Генуе, Неаполе и Флоренции.

В Риме, где проживало наибольшее число русских, была также реорганизована библиотека им. Н.В. Гоголя – сначала в *Русский литературно-художественный кружок* (1920), потом в *Русское собрание* (1921). В Риме небольшим числом беженцев-воинов Белой армии 5 мая 1921 г. был основан *Союз российских офицеров в Италии*, объединивший всех офицеров русской армии и военно-морского флота, проживавших в Италии; тогда как инвалидов войны в 1929 г. объединила *Ассоциация российских военных инвалидов-ветеранов «старой России»*, которая стала отделением итальянского Национального общества инвалидов войны (*Opera nazionale invalidi di guerra*).

Из числа центров, ставивших своей целью сплочение русской эмиграции в Италии, наиболее влиятельным было «Русское собрание», которое просуществовало дольше других и куда люди не переставали обращаться даже в самые трудные годы, когда связи между общинами и внутри них ослабевали прежде всего в силу значительных материальных затруднений: «целью организации было объединить всех русских, находящихся на итальянской территории, заботясь о культурных и общественных связях с аналогичными организациями в Италии и в мире, помогая и материально поддерживая самых нуждающихся и защищая при любых обстоятельствах русскую национальную идею» (*Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. М.: Викмо-М; Русский путь, 2011. С. 150). В годы, когда председателем общества был князь *С.Г. Романовский*, «Русское собрание» объединяло вокруг себя не только русскую колонию в Риме, но и всю русскую диаспору в Италии и координировало различные ее организации. Другим центром, созданным эмигрантами для объединения соотечественников и просуществовавшим довольно долго, стало *Общество «Русская Колония Северной Италии»* в Милане, действовавшее с 1925 г. в течение по меньшей мере десяти лет. Общество не ставило политических задач, его целями были экономическое и моральное содействие членам Общества, а также сохранение национальной и культурной идентичности.

В начале 1920-х гг. в Италии к власти пришел фашизм, в 1924 г. этот режим одним из первых в Европе признал советскую власть и установил с СССР дипломатические отношения. Политический климат стал менее благопри-

ятным, демократически-либерально настроенные русские эмигранты начали уезжать в другие страны, где была русская диаспора, и в течение нескольких лет фактически полностью покинули Италию.

Что касается политических организаций, то в период между двумя мировыми войнами действовали лишь легитимистские организации, которые тем или иным образом выступали за восстановление монархии, к примеру *Российский монархический союз в Италии (легитимисты)*, основанный в 1923 г., был преемником «Российского монархического союза в Италии», организованного в годы, предшествовавшие революции, военным атташе *А.М. Волконским* и первым секретарем посольства России *А.Н. Мясоедовым*. Такого рода организаций было немного, назовем также итальянскую ячейку националистского и неомонархического движения, зародившегося в Мюнхене в 1923 г. и получившего название Союз «Молодая Россия» (с 1925 г. «Союз младороссов» со штаб-квартирой в Париже, с 1934 г. «Младоросская партия»). Идеология *младороссов* соединила в себе некоторые элементы сменовеховства (национал-большевизм) и евразийства на платформе признания свершившейся революции. Итальянская ячейка возникла в 1936 г. за несколько лет до того, как организация на международном уровне была распущена. Другой молодежной политической организацией эмигрантов, имевшей представительство в Италии с 1938 г., был *Национально-трудовой союз нового поколения*.

Неудачной оказалась попытка создать в Италии филиал «Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей» (Земгор). Комитет, основанный в феврале 1921 г. в Париже под председательством князя Г.Е. Львова (1861–1925), министра-председателя и министра внутренних дел первого Временного правительства, сознательно отстранялся от политики и ставил перед собой задачи исключительно гуманитарного характера. Вскоре были открыты представительства этой организации во всех странах, где существовала русская диаспора. Деятельность организации проходила под надзором правительств принимающих стран, их финансовая поддержка имела решающее значение для существования национальных комитетов. Так, например, за основанием комитета в Париже стояло французское правительство. В Италии в августе 1921 г. была сделана попытка основать филиал Земгора, был даже написан устав, который подписали 6 представителей римского комитета, в том числе и братья Шрейдеры, они, очевидно, и были инициаторами его основания (*Степанов Н.Ю.* О попытке создания представительств объединения российских земских и городских деятелей в Италии // Россия и Италия. М.: Наука, 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 93). Однако инициатива не имела продолжения. Из документов, хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел, следует, что князь Львов лично обратился в итальянское министерство с ходатайством поддержать начинание, но получил отрицательный ответ, мотивированный тем, что в послевоенный период итальянское правительство вынуждено проводить политику строжайшей экономии (*Accattoli A.* L'Italia e i rifugiati russi negli anni 1918–1924. Р. 202).

Таким образом, беженцы в Италии оказались без поддержки сильнейшей гуманитарной организации русской

эмиграции. Не была даже заложена необходимая основа сети различных культурно-просветительских учреждений (прежде всего речь идет о школах, вузах, книгоиздательствах, литературных обществах), их отсутствие стало одной из главных причин постепенного исчезновения русской диаспоры в Италии. Различные организации, упомянутые выше, заменить Земгор не смогли.

Общую ситуацию с предельной лаконичностью обрисовал историк Антонелло Вентури: «Все значительные попытки эмиграции организоваться политически в Италии, в отличие от других европейских стран, в итоге потерпели крах» [Вентури А. Русские эмигранты-революционеры в Италии (1906–1922) // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. С. 50].

В этой ситуации особое значение приобретали иные структуры. В пореволюционные годы, когда в Италию стали прибывать первые русские беженцы, активную деятельность развило Российское посольство, которое предоставило часть своих помещений эмигрантам и добилося от князей Торлония готовности принять эмигрантов в своих владениях. Еще более важную роль сыграла православная церковь, которая не зависела больше ни от Святейшего Синода, ни от Министерства иностранных дел и потому не должна была подчиняться политико-дипломатическим директивам. В эти годы радикально изменился статус и положение зарубежных храмов, а также повседневный быт православных общин, который более не осложняли непростые дипломатические отношения с Римской католической церковью. Весьма немногочисленная в Италии русская католическая диаспора греческого обряда, представляющая определенный интерес для истории русской религиозной мысли, не решала вопрос объединения эмигрантов: столь невелико было число прихожан.

В русской диаспоре в Италии протекали процессы, схожие с другими «периферийными регионами» русской эмиграции: созданные самими эмигрантами организации не смогли объединить русскую диаспору, тем быстрее и эффективнее шел процесс адаптации к жизни в другой стране с ее развитыми структурами. Речь, разумеется, не идет об ассимиляции (она не свойственна русской эмиграции ни на одном из ее этапов), однако в данном случае очевидно более глубокое взаимодействие между двумя культурами и их представителями. Эмиграция рассматривала Италию как страну с высокой культурой, которая на протяжении веков притягивала россиян, вызывая восхищение. Однако сильное духовное воздействие, которое оказывала на русских эмигрантов итальянская культура, резко контрастировало с теми жизненными условиями, которые Италия могла предложить беженцам.

4. Отсутствие помощи на уровне государственных организаций, равно как и сложная экономическая и политическая ситуация в стране, препятствовали возникновению в Италии устойчивой эмигрантской общины, столь же многочисленной и активной, как в главных центрах диаспоры. Иными словами, в Италии не была реализована модель самодостаточного и, по существу, закрытого национального сообщества, исторически сложившаяся во многих странах, принявших русских эмигрантов; ср. например у В. Набокова: «...за пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не

чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка» (Другие берега, гл. 13). Ситуация в Италии больше способствовала интеграции, а также особенно интенсивному взаимодействию русских эмигрантов с политическими и интеллектуальными силами принявшей их страны.

В истории контактов и пересечений между русской и итальянской культурой на территории Италии следует выделить те же периоды, что и в истории русской диаспоры: эмиграция, предшествовавшая Октябрьской революции, нашла поддержку у социалистического движения, которое в Италии рубежа веков находилось в процессе оформления. С появлением в Италии таких ключевых фигур русского революционного движения, как Плеханов, Чернов и др., итальянские социалисты получили возможность вести диалог с русскими единомышленниками и, как итог, усовершенствовали свою теоретическую базу и включились в плодотворную идеологическую дискуссию, которая велась в то время в европейских социалистических кругах. Кроме того, русские эмигранты располагали точной информацией о внутренней ситуации в России и оживили дискуссию вокруг мирового конфликта, что представляло значительный интерес для страны-союзника, какой стала Италия в 1915 г. В этот период начался интенсивный и плодотворный обмен, связи расширились, чему способствовал и тот факт, что центральными фигурами итальянского социализма являлись русские Анна Кулишова и Анжелика Балабанова. Сразу после Октябрьской революции русские социалисты-эмигранты, часть которых вернулась в Италию, а часть никогда ее не покидала, словно желая осуществить на практике программу, о которой шла речь еще в 1913 г. на Первом съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии, впервые вышли здесь на политическую арену. Эта часть эмиграции стала вести активную журналистскую и издательскую деятельность на итальянском языке, чтобы ознакомить итальянцев с ситуацией в России и ее культурой. Подобное явление имело два существенных аспекта: во-первых, были основаны периодические издания, полностью реализованные представителями диаспоры, во-вторых, начато активное сотрудничество с итальянскими органами печати. Эти два аспекта следует рассматривать по отдельности, хотя ключевыми фигурами в них часто были одни и те же лица.

В отличие от других европейских стран, где русская диаспора была более многочисленной, в Италии не было печати на русском языке, адресованной членам общества в изгнании. Все четыре периодических издания, в которых предлагался анализ политических и революционных событий в России, выходили на итальянском языке.

Первым таким изданием была газета «*La Russia*» («Россия»), выходившая в Риме со 2 декабря 1917 до 24 июня 1918 г. при финансовом содействии российского посольства, сотрудники которого оставались верными А.Ф. Керенскому. Главными редакторами стали историк, исследователь сельской общины К.Р. Качоровский и симпатизировавший эсерам философ Б.В. Яковенко (в числе сотрудников находились К.К. Памфилова, М.А. Осоргин, А.Н. Колтинская-Миславская). Журнал был ориентирован на широкую аудиторию и намеревался добиться международного согласия в поддержку свергну-

того правительства Керенского. В период полной политической дезориентации издание также давало должное освещение событиям, происходящим в России. Защита народнической традиции соседствовала в газете с призывом продолжать войну на стороне Антанты, которая, как считал Яковенко, могла повлиять на смену государственного строя в России при помощи единственного легального органа – Учредительного собрания. Между тем уже в мае–июне 1918 г., когда речь зашла о необходимости тесного сотрудничества с «Русской лигой возрождения Родины в тесном единстве с союзниками», в редакции произошел раскол: Качоровский считал эту организацию слишком консервативной. Разногласия между редакцией и революционерами-социалистами демократического толка привели к тому, что Качоровский отошел от журнала, тогда как Яковенко занялся организацией нового журнала «*La Russia Nuova*» («Новая Россия»), а начиная с осени 1918 г. другого издания – «*La Russia democratica*» («Демократическая Россия», вышел только один номер). После государственного переворота, предпринятого адмиралом А.В. Колчаком, политическая ситуация изменилась, редакция «*La Russia Nuova*», пересмотрев свою позицию, высказалась против введения войск Антанты в Россию. Сближение с социалистической партией Италии, сочувствовавшей большевикам, и с остатками левого крыла революционеров-социалистов привело к новому расколу в редакции (после ухода из нее историка *И.Е. Степанова* руководили журналом фактически Яковенко и Колпинская-Миславская). Последний номер вышел 5 февраля 1920 г., к этому времени редакция уже перешла на другие позиции, все больше поддерживая большевистское правительство и выступая в защиту революции.

Последним периодическим изданием, выпускавшимся политическими эмигрантами, был еженедельник «*La Russia del lavoro*» («Трудовая Россия»). Издание было основано в 1920 г., выходило в течение года нерегулярно: каждую неделю, каждые две недели или каждые 10 дней; членами редакции являлись Г.И. Шрейдер, а также *М.Л. Слоним* и *В.В. Сухомлин*. Еженедельник ставил своей задачей разорвать отношения между руководством Итальянской социалистической партии (ИСП) и Коминтерном и «дать итальянским товарищам и братьям возможность увидеть реальность России такой, какая она есть»; по убеждению создателей журнала, это должно было способствовать «более тесному сближению русской социалистической трудовой демократии с западной» (из программной статьи Шрейдера в первом номере), что они считали принципиально важным для будущего самой Европы.

Начинания русских эмигрантов в области политической журналистики показали, по словам современного историка, что «ситуация в Италии предвосхитила общую потерю политической значимости, которую русской эмиграции предстояло испытать даже в тех странах, где ее присутствие после Октябрьской революции было наиболее весомым» (*Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia. Milano: Feltrinelli, 1979. P. 195*).

Некоторые авторы, сотрудничавшие с «*La Russia nuova*», в конце 1920 г. создали в Риме издательство и одновременно книжный магазин «*Слово*» (связанное с берлинским издательством-магазином с тем же названием), которое, однако, менее чем через год прекратило свою деятельность. По сравнению с издательским делом в главных

центрах русской эмиграции итальянский опыт оказался менее удачным; судьба печатных изданий, созданных политическими эмигрантами в Италии еще в начале XX в., отразила конфликты и разногласия внутри революционного движения – в течение трех лет, с 1918 по 1920 г., какая-либо издательская деятельность отсутствовала.

Куда более активным и плодотворным оказалось сотрудничество политических эмигрантов самых разных взглядов с итальянскими газетами. Так, Слоним сотрудничал с миланской «*Il Secolo*», *Осин Фелин* – с «*Il Popolo romano*» в Риме; Балабанова, Сухомлин и *М.Х. Водовоз* печатались в социалистической газете «*Avanti!*», где также часто публиковался Горький; *М.К. Первухин* был постоянным сотрудником римской газеты «*Лероса*», *Владимир Френкель* – органа Национальной фашистской партии «*Il Popolo d'Italia*»; известно, что и другие представители политической эмиграции, в частности Амфитеатров, Яковенко, Качоровский, Григорий Шрейдер, печатались на страницах итальянской периодики. Однако многие из них вскоре переехали в другие страны, и уже во второй половине 1920-х гг. число русских сотрудников в итальянской политической прессе значительно уменьшилось.

5. Пореволуционная эмиграция не создала в Италии собственной прессы, однако ее вклад в итальянскую культуру того времени был далеко не второстепенным. В межвоенный период имена представителей русской интеллигенции в эмиграции часто встречаются в итальянской периодике, среди сотрудников итальянских издательств, на афишах театров, концертных залов и художественных выставок, в частной переписке с итальянскими интеллектуалами и представителями творческой интеллигенции и в документах, отразивших их связи с культурными организациями. Для многих русских эмигрантов – деятельных и энергичных культуртрегеров – изгнание стало своего рода вызовом, который бросила им судьба и на который они ответили активной интеллектуальной жизнью и на чужбине.

Чтобы убедиться в этом и таким образом открыть для себя эту важнейшую и малоизученную страницу истории русско-итальянских отношений, необходимо углубиться в хронику событий, связей, контактов, из которых возникает целостная, но чрезвычайно пестрая картина. Читатель может познакомиться с ней, читая статьи энциклопедии, посвященные различным лицам, сыгравшим ту или иную роль в русско-итальянских культурных связях. Это своего рода мозаика, восстановить которую может каждый, начав с тех фрагментов, которые его интересуют. Мы же попытаемся очертить здесь координаты итальянской культуры межвоенного двадцатилетия, в которую вписалась деятельность русских эмигрантов.

С конца XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны в Италии неуклонно растет интерес к литературе и художественной жизни в России. Огромная популярность Толстого во всем мире, прежде всего Толстого-мыслителя, и итальянские гастроли 1911 и 1917 гг. «Русского балета» *С.П. Дягилева* (не следует также забывать о выставке русского искусства, организованной им в рамках VII Венецианской Биеннале в 1907 г.) были не единственными, но, безусловно, важнейшими факторами: они способствовали распространению новых идей – социальных, политических, религиозных и художественных, вызывавших живой интерес самых широких слоев итальянского

общества, особенно в контексте модернизации родной культуры, ее освобождения от провинциализма после объединения страны. В 1880-е – 1890-е гг. русская литература вошла в каталоги и крупных, и небольших итальянских издательств, пусть в малом объеме и в переводах, выполненных, как правило, с других языков; в первые годы нового века появляется все больше сведений о России, как о последних событиях (от революции 1905 г. и вплоть до изгнания Горького), так и о ее вековой истории и культуре. Однако настоящий поворот происходит после Первой мировой войны и событий 1917 г.: только тогда Россия предстала в глазах итальянского общества не просто как далекая экзотическая страна, но и как сцена эпохальных исторических событий и социальных экспериментов-новаций, а также как источник самого большого миграционного потока, который когда-либо знала история.

Конец Первой мировой войны, распад крупнейших европейских империй и Османской империи, Февральская и Октябрьская революции изменили политическую карту Европы. Возник целый ряд новых государств, в том числе и славянских – Польша, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев. Политические и экономические интересы определили особое внимание государств, победивших в Первой мировой войне, к странам, раскинувшимся на огромном пространстве между побежденными Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией – с другой, а также к Балканскому полуострову. Говоря о «недавно образованных государствах», наиболее внимательные наблюдатели отмечали, что существует одна «нация, не указанная ни в одном атласе <...>. Она не имеет собственного государства <...> но ее колонии разбросаны по всему миру <...> она не имеет и парламента, хотя в ней представлены решительно все политические течения от монархистов до социалистов <...>. Эта нация – Россия вне России, ее граждане – русские изгнанники» (*Huntington Chapin W. The Homesick Million. Russia out Russia. Boston: Stratford, 1933. P. 5–6*). Все более актуальным в мире становится знание языков, литературы, истории и права различных стран и их административно-политического устройства. 25 января 1921 г. в Риме был основан Институт Восточной Европы (*Istituto per l'Europa Orientale*), призванный – по примеру аналогичных учреждений в Европе – исследовать страны Восточной Европы и популяризировать знания о них. Во Франции еще во время войны возник Институт славянских исследований (*Institut d'études slaves*), который начал издавать в 1921 г. знаменитый «*Revue des études slaves*». В том же 1921 г. в Англии начала свою работу Школа славянских исследований (*School of Slavonic Studies*), которая уже в следующем году стала выпускать свой журнал «*Slavonic Review*». В Германии уже в 1918 г. работал Институт Восточной Европы (*Ost-Europa Institut*).

Римский Институт Восточной Европы был создан по инициативе итальянского Министерства иностранных дел, руководил им комитет, в который входили среди прочих *Умберто Дзанотти-Бьянко* и *Этторе Ло Гатто*. Первый – общественно-политический деятель в традиции либерализма Мадзини, историк юга Италии, археолог, филантроп; другой – молодой германист, с явно выраженным интересом к русской культуре, к тому времени возобладавшим над остальными научными интересами. В жизни обоих весьма значительную роль сыграло прои-

зошедшее в разное время знакомство с Горьким и русской колонией на Капри.

В этот же период в Италии происходит становление славистики как науки и как университетской дисциплины (первая кафедра славянской филологии была открыта в Падуанском университете в октябре 1920 г.). Ло Гатто, который в том же октябре 1920 г. основал первый итальянский журнал, посвященный исключительно русской литературе и культуре, – «*Russia. Rivista di letteratura, arte, storia*», в 1922 г. начал преподавательскую деятельность в Римском университете. Вскоре в Риме по инициативе Ло Гатто появились и другие специализированные журналы – «*L'Europa Orientale*» и «*Rivista di letteratura slave*», благодаря которым изучение культуры и истории России вышло на новый уровень.

В 1920-е гг. Восточной Европой заинтересовалась не только академическая наука. Огромное внимание к славянскому и в особенности русскому миру проявили итальянские издатели: *Альфредо Полледро* в Турине основал издательство «Славия» («*Slavia*»), крупные издательства начали выпускать специальные книжные серии, переводы русской прозы уже не с французского или немецкого (часто некачественные и весьма далекие от первоисточника), а непосредственно с языка оригинала благодаря сотрудничеству с эмигрантами и итальянцами русского происхождения (*Леоне Гинзбург*, *Ринальдо Кюфферле*, *Е.Ю. Григорович*, *Осип Фелин*, *Р.Г. Олькеницкая-Нальди*, *Е.О. Кюн-Амендола*, *Ольга Ресевич-Синьорелли*, *В.П. Преображенская*, *Н.С. Романовская* и другие), а вскоре и с профессиональными итальянскими переводчиками (среди наиболее известных помимо Ло Гатто и *Федериго Вердинуа* следует упомянуть *Ренато Поджоли*, *Одоардо Кампу*, *Альфредо Полледро*, *Вирджиліо Нардуччи*). В 1930 г. славист Энрико Дамиани писал о популярности в Италии литературы Восточной Европы: «Славянские литературы у нас в моде. Слово наверстывая полнейшее отсутствие интереса в прошлом, славянские писатели, в первую очередь русские, которые в большинстве своем были никому не известны еще несколько лет назад, мгновенно завоевали любовь итальянского читателя. Появились специалисты по славянским языкам, славянская литература переводится, популяризируется, находит своего читателя и расходуется с успехом, который, не побоюсь сказать, не сравнить с успехом крупнейших европейских литератур» (*Damiani E. Lingue e letteratura slave e mondo slavo // Nuova Antologia. 1930. Vol. 271. № 1396. P. 193*).

Иными словами, новые русские эмигранты, выплеснутые Гражданской войной, смешались с дореволюционными политическими выходцами из России и нашли в Италии страну, безучастную к нуждам эмиграции как социального явления и не способную поддержать ее экономически, но в то же время открытую и глубоко восприимчивую в культурном отношении, неутолимую в своем желании узнать как можно больше о покинутой изгнанниками родине.

Периодические издания зарождающейся славистики охотно привлекали к сотрудничеству русских интеллектуалов, оказавшихся в эмиграции. В журнале «*Russia*» появились значимые публикации *Е.А. Ляцкого*, *Ю.И. Айхенвальда*, *Б.В. Яковенко*, *Е.Ф. Шмурло*, *И.Е. Степанова*, *П.П. Муратова*, *Б.К. Зайцева* и других. В номере № 3–4 за 1923 г. был опубликован подробный обзор цикла конфе-

ренций русских писателей и профессоров, который прошел в Риме в помещениях Института Восточной Европы в ноябре–декабре 1923 г. Инициатива принадлежала «Комитету помощи русским интеллектуалам», основанному Умберто Дзанотти-Бьянко, и была с энтузиазмом поддержана Этторе Ло Гатто и Ольгой Ресневич-Синьорелли. Приглашенные – эмигранты, покинувшие Россию по собственной воле, а также высланные советскими властями изгнанники, надеялись заново обустроить свою жизнь в Европе. Среди них бывший ректор Московского университета М.М. Новиков, статистик А.А. Чупров, философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, Л.П. Карсавин, писатели П.П. Муратов, Б.К. Зайцев и М.А. Осоргин.

С «L'Europa Orientale», еще одним журналом, вышедшим из «лаборатории» Ло Гатто, сотрудничали Яковенко, Шмурло и Качоровский, экономист В.Ф. Тотомияни, исследователь Украины Е.Д. Онацкий, специалист по венецианской живописи XVII–XVIII вв. Н.Н. Иванов. К сотрудничеству с представителями русской диаспоры были открыты не только специальные славистические издания, но и в целом итальянская культурная периодика, так что анализ национальной прессы позволяет проследить процесс стремительного вовлечения русских эмигрантов в итальянскую культуру. Если еще несколько лет назад ученые указывали на отсутствие «сколько-нибудь полной библиографии публикаций русских эмигрантов в итальянской периодике» (*Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Р. 28), то сегодня мы располагаем базой данных «Россия в итальянской периодике 1900–1940-х гг.» («La Russia nella stampa italiana 1900–1940», <http://www.russinitalia.it/cms.php?id=18>), подготовленной нашей исследовательской группой на основе росписи более сотни главных журналов о культуре того времени, в результате чего были выявлены все публикации о России (на сегодняшний день их около 10 000, включая примечания, рецензии, краткие сообщения). Библиографическое описание статей и заметок, содержащееся в базе данных, представляет собой удобный инструмент, позволяющий реконструировать как рецепцию русской культуры в Италии, так и вклад русских интеллектуалов в итальянскую культуру первой половины XX в. Постоянно печатавшихся авторов было около 40, гораздо более многочисленны окказиональные публикации. Эти данные представляются показательными, если учесть, что до 1917 г. на страницах итальянских периодических изданий регулярно встречалось лишь одно имя – писательницы и переводчицы С.Н. Физнер, печатавшейся в миланском журнале «La vita internazionale», да еще появлялись изредка публикации В.Е. Жаботинского. Поскольку обзор русской публицистики на итальянском языке не входит в наши задачи, ограничимся лишь краткой характеристикой того, каким образом публикации русских эмигрантов были представлены в различных печатных изданиях в разное время.

В 1910-е гг. русские еще мало сотрудничали с итальянской культурной периодикой: в ежемесячном журнале религиозного характера «Bilychnis» встречаем имя Евы Кюн-Амендолы, автора журнала «Nuova Antologia», одного из важнейших периодических изданий, где в том же десятилетии печатались Константин Кетов, Ваан Тото-

мианц, Александр Волконский, Владимир Забугин. Уже в 1920-е гг. появляется много новых имен и расширяется число периодических изданий: с журналом «Nuova Antologia» сотрудничали А.В. Амфитеатров, Осип Фелин, его жена Лия Неанова, И.Е. Степанов, Я.Л. Львов, Е.А. Ананьин, Н.А. Баумgarten, Е.Д. Онацкий; особенно много русских (Осип Фелин, Лия Неанова, Ринальдо Кюфферле, Т.П. Павлова, Ия Руская и Я.Л. Львов) публиковалось в «Comoedia. Rivista di commedie italiane e straniere e di vita teatrale». Немало русских авторов (М.Л. Слоним, А.В. Амфитеатров, Р. Кюфферле и Ольга Ресневич-Синьорелли) появляется в известном литературном журнале «La Fiera Letteraria. Giornale settimanale di lettere, scienze ed arti», который начиная с 1929 г. выходит под названием «L'Italia letteraria». Русские особенно интенсивно сотрудничают с литературно-художественными журналами во второй половине 1920-х и первой половине 1930-х гг. Постоянным автором «La Cultura. Rivista mensile di filosofia, lettere ed arti» был Леоне Гинзбург, в 1929–1933 гг. на страницах этого авторитетного и независимого журнала появилось тридцать его статей (одно время Гинзбург печатался также в «Pegaso»). Е.А. Ананьин был постоянным автором в журнале «Critica fascista». Ежемесячный миланский журнал о литературе, искусстве и театре «Il Convegno» выпустил два специальных номера о русской культуре: первый, в 1928 г., под редакцией М.Л. Слонима и итальянского писателя Джованни Комиссо, был посвящен современной русской литературе; второй, вышедший в 1934 г., – творчеству В.И. Иванова. Еще один тематический номер, посвященный современной русской литературе, был подготовлен в 1931 г. журналом «L'Italiano. Foglio della rivoluzione fascista» под совместной редакцией Ресневич-Синьорелли и Комиссо. В 1920-е гг. в «Emporium» – одном из первых искусствоведческих журналов в Италии, сыгравшем важную роль в освещении европейского искусства, часто печатались статьи Г.К. Лукомского (художник публиковался также в «Comœdia», в «Dedalo» и в «L'esame») и М.А. Крашенинниковой-Джибеллино о русском искусстве и архитектуре, а также материалы итальянских исследователей о современных русских художниках и скульпторах.

В 1930-е гг. одним из наиболее активных русских авторов в итальянской прессе был Евгений Ананьин, который регулярно в библиографических обзорах знакомил итальянского читателя с русскими новинками, созданными в эмиграции и в Советском Союзе. Многочисленны его рецензии и аннотации в «Bibliografia fascista» (где печатался также М.Н. Семёнов) и в «Leonardo. Rassegna bibliografica mensile». Несколько его статей появилось также в «Nuova Antologia» (где встречается и имя Кюфферле) и «Le opere e i giorni. Rassegna mensile di politica, lettere, arti» – одном из главных литературных периодических изданий фашистского двадцатилетия. В этом ежемесячнике печатались многие русские авторы: уже упомянутые Кюфферле, Амфитеатров, Неанова, а также Яков Львов, Нина Романовская. Только здесь встречаются постоянно с 1925 по 1935 г. имена Ивана Васильева и Сергея Васильева, публиковавшегося под псевдонимами Germanicus и Balticus (о биографии обоих ничего не известно).

В 1930-е гг. русские печатаются прежде всего в театральных журналах: в ежемесячнике «Il Dramma. Rivista mensile di commedie di grande successo» часто появляются

статьи П.Ф. Шарова, Т.П. Павловой, Я.Л. Львова, Ии Русской и различные русские пьесы в переводах представителей диаспоры. Те же имена, а также имя Ресневич-Синьборелли встречаются на страницах миланского журнала «Scenario. Rivista mensile delle arti della scena». Среди театральной периодики особое место занимает ежемесячник «Teatro per tutti» (1930–1938) с подзаголовком «raccolta di commedie» («собрание пьес») миланского издательства «Биетти». Основателем и главным редактором журнала был Осип Фелин, он же полностью определял его политику. В журнале регулярно печаталась театральная хроника вместе с впервые публикуемыми пьесами, авторами многих из них были Фелин или Неанова, а также некоторые русские драматурги XX в. В конце 1930-х гг. несколько ярких представителей русской эмиграции печатались в журнале по искусству «Rivista d'arte»: Ю.С. Кафтал, Н.Н. Иванов, Н.П. Оттокар.

Упомянутые выше издания занимали более или менее отстраненную позицию по отношению к идеологии фашистского режима. Откровенно филофашистский характер имел еженедельник «Quadrivio», выходивший с 1933 г.; с ним сотрудничали те русские эмигранты, которые заняли «менее критическую» позицию по отношению к фашизму: Н.Д. Жевахов, Д.С. Мережковский, М.Н. Семёнов (но встречается также имя Т.Л. Сухотиной-Толстой).

Случаи окказионального сотрудничества не позволяют судить о позиции автора, который мог и не разделять полностью взгляды журнала, однако в отдельных случаях можно говорить об особой роли русских сотрудников в редакции журнала, как, например, в журнале «Echi e commenti. Rassegna universale della stampa». До 1928 г., когда главным редактором журнала был Акилле Лориа, прогрессивный экономист международного уровня, в журнале регулярно печатались обозреватели событий в России и на Украине И.А. Грищенко, Е.Г. Шрейдер, В.Ф. Тотомьянц и позднее Е.А. Ананьин. Лориа был убежден в том, что большевистский режим рано или поздно исчерпает свой разрушительный потенциал, после чего спонтанно придет к буржуазным социальным формам, промышленному развитию и демократическому прогрессу, как в странах Запада. В результате взаимодействия с идеями социалиста-революционера Шрейдера эта концепция претерпела некоторые изменения, и Лориа и Шрейдер, как представляется, выработали общую идею, рассуждая о роли и перспективах так называемой третьей силы – демократической и социалистической, которую они противопоставляют как большевизму, так и царизму.

6. Вклад русской послереволюционной эмиграции в мировое искусство – живопись, театр и кино – достаточно полно изучен исследователями, занимавшимися главными центрами эмиграции, в то время как о деятельности русской эмиграции в Италии в области культуры известно меньше. В 1918–1920 гг. «белая» эмиграция сосредоточилась главным образом на помощи беженцам, в частности занималась филантропической деятельностью, не пренебрегая участием в акциях, организуемых в свою очередь итальянцами. По инициативе российского посольства (прежде всего М.Н. Гирса и И.А. Персиани) были организованы концерты и другие развлекательные мероприятия, в которых приняли участие артисты русской диаспоры в Риме. Сборы передавались на нужды беженцев: напри-

мер, в июне 1918 г. балерина *Илзана Леонидовна* выступила в галерее «Героса» («Эпоха») в пользу русского Красного Креста; в январе–апреле 1920 г. пианистка *Е.М. Ромбро* дала концерты в Риме в Королевской филармонической академии (Reale Accademia Filarmonica) и Музыкальной консерватории св. Цецилии (Conservatorio di musica di S. Cecilia) в пользу Комитета помощи русским в Италии.

В то время как в предпринимательской деятельности (мастерские, рестораны, чайные) в 1920-е гг. русские эмигранты в большинстве случаев терпели крах (см. *Колония в Риме*), необыкновенный успех на сцене долго не покидал актеров кино и театра, мимов и балерин, чьи работы открыли достижения русского и европейского театра того времени и значительно обновили итальянскую сцену (сотрудничеству русских артистов с главными драматическими и оперными театрами – *Театр Ла Скала* в Милане, *Театр Костанци* в Риме, *Театр Ла Фениче* в Венеции, *Театры Милана* – посвящены специальные статьи в энциклопедии). Итальянские оперные театры первой половины XX в. стали свидетелями успеха *И.Ф. Стравинского* и *С.С. Прокофьева*, произведения которых были впервые исполнены в Италии и остались в памяти слушателей как важнейшие события эпохи. Публику и критику покорили также многочисленные выступления оперных певцов, музыкантов и дирижеров (*Е.Ф. Ждановский*, *А.Н. Веселовский*, *Г.Н. Мельник*, *А.И. Кравченко*, *С.А. Крушельницкая*, *Елена Раковская*, *М.А. Амфитеатров*, *А.М. Барянский* и др.).

Именно в мире изобразительного искусства, театра и кино многие русские эмигранты с успехом смогли проявить свои таланты. В силу своего художественного многоязычия театр стал идеальным пространством для новых экспериментов. В 1918 г. в Риме открыл свои двери *Дом искусств Брагалья*; его основатели, всегда чуткие к экспериментальным инновациям, стремились представить публике художников разных стран и направлений (благодаря им в Италии стали известны такие живописцы, как *Ф.Г. Гозиасон*, *В.А. Боберман*, *Г.И. Глиценштейн*, *С.О. Фикс*, *Г.И. Шилтян*, *В.А. Субботин* и многие др.). В окружение Дома искусств Брагалья входили и другие деятели культуры – поэтесса (и разведчица) *Елена Феррари*, связанная с группой итальянских имажинистов, русско-итальянский сценограф и писатель *Винчио Паладини*, близкий к русскому авангардному искусству.

В 1923 г. в Доме искусств режиссер Антон Джулио Брагалья основал «Teatro degli Independenti» («Театр Независимых»), в репертуар которого входили пьесы иностранных авторов, ранее не шедшие в Италии, неизвестные работы начинающих итальянских писателей и различные интермеццо. Важную роль в театральных поисках Брагалья, хорошо знавшего европейский театральный авангард, сыграли пантомима и балет – жанры, синтезирующие жест, музыку, хореографию и светоживопись. В 1923–1925 гг. он поставил более 30 пантомим и балетов с русскими исполнителями (от Ии Руской до *Икара* и *В.Я. Парнаха*). Как отмечалось в разделе хроники газеты «La Tribuna»: «У себя дома русские продолжают делать революцию, а в гостях они играют и танцуют на сцене, и если в Петрограде и в Москве дела у Ленина идут все лучше, то в итальянской столице русский балет

обрел второй дом» (*Guasco A. I nuovi «Balli russi» al Teatro Quirino // La Tribuna. 1920. 29 maggio*).

В Театре Независимых в 1926 г. имела огромный успех в тургеневской пьесе «Провинциалка» русская актриса-эмигрантка *Вера Д'Ангара*. Менее удачными оказались постановки двух пьес *П.П. Потемкина* – скетча «Блэк энд уайт: Негритянская трагедия», написанного вместе с *К. Фон Гибшманом*, и микродрамы «Дон Жуан – супруг Смерти», написанной вместе с *С.Л. Поляковым-Литовцевым*. Скетч, производивший фурор в русских театрах-кабаре, в Италии не был понят: пародийный пласт и тонкая языковая игра – почти что заумь, контраст итальянского и английского, белого и черного, остались незамеченными. А в пьесе «Дон Жуан – супруг Смерти», написанной Потёмкиным в Париже в 1924 г., публика не восприняла интерпретацию образа Дон Жуана, а также отсылки (по всей вероятности, не переданные в итальянском переводе) к последним революционным событиям в сцене бунта.

Наибольшим успехом в Италии пользовался другой русский драматург – *Н.Н. Еврешинов* – ключевая фигура русского театра 1910-х гг., создатель Старинного театра в Петербурге: в 1925 г. в Римском Художественном театре (Teatro d'Arte), возглавляемом Луиджи Пиранделло, были поставлены арлекинада в одном действии «Веселая смерть» (в роли Смерти выступила *Р.С. Гуревич*) и пьеса «Самое главное. Для кого комедия, а для кого и драма». Критика отметила в арлекинаде сходство с комедией дель арте, а в пьесе – глубинную связь с концепцией театральности Пиранделло и его пьесой «Шесть персонажей в поисках автора».

В те же годы в Милане Татьяна Павлова и ее театральная труппа много сделали для того, чтобы познакомить итальянскую публику с русской драматургией, классической и современной; среди русских писателей, чьи произведения были поставлены на сцене, были как Островский, Толстой и Чехов, так и А.Н. Толстой, Л.Н. Андреев, Максим Горький, В.П. Катаев, М.П. Арцыбашев и Я.М. Гордин. Павлова также сотрудничала с русскими режиссерами – *С.В. Стренковским* и *П.Ф. Шаровым*, приглашая на должность декораторов и художников по костюмам *Л.М. Браиловского*, *Г.Г. Абхази* и др. Кроме того, личное знакомство Павловой с *В.И. Немировичем-Данченко* позволило итальянскому зрителю увидеть два спектакля, которые знаменитый режиссер Московского Художественного театра, обычно работавший дома, на этот раз поставил за границей: в 1932 г. в Милане собственную пьесу «Цена жизни», в 1933 г. в Риме «Вишневый сад».

Одновременно в 1920-х – 1930-х гг. на сценах итальянских театров неоднократно выступали с гастролями русские балетные и театральные труппы, вызывавшие восторг публики и критики, – от танцовщиков и хореографов «Русского балета» Дягилева (*М.М. Фокин*, *Л.Ф. Мясин*, *В.Ф. Нижинский*, *С.М. Лифарь*, *О.И. Преображенская*, *Л.П. Чернышёва*) до труппы *И.Л. Рубинштейн*. Важным событием в культурной жизни Милана стали гастроли *Г.И. Питоева* и *Л.Я. Питоевой*, их спектакли «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Три сестры» А.П. Чехова и «Цезарь и Клеопатра» Бернарда Шоу прошли в Театре Мандзони и имели большой успех. В Турине и Риме в апреле 1930 г. Московский Камерный театр под руководством *А.Я. Таирова* представил музыкальный спектакль

«Жирофле-Жирофля», оперетту «День и ночь» Шарля Леккока, «Грозу» А.Н. Островского и социальную драму «Негр» Юджина О'Нила (в преддверии гастролей режиссер дал итальянским журналистам целый ряд интервью). Критика восторженно отозвалась о творчестве Таирова, назвав его «одним из выдающихся мировых режиссеров», а его актеров «великолепными».

Не меньшим успехом пользовались в итальянском кинематографе русские актеры и актрисы, часто с экзотическими именами (*Диана Карени*, *Берта Нельсон*, *Ольга Белляева*), блиставшие на съемочных площадках немого кино. Первые фильмы с русскими актерами были выпущены туринской кинокомпанией «Амброзио Фильм» («Ambrosio Film»), которая уже в 1910-е гг. установила тесные связи с кинокомпанией «П. Тиман и Ф. Рейнгардт», основанной *Паулем Тиманом*. В Турине работали русские актеры и режиссеры, позднее эмигрировавшие в другие страны, такие как *О.И. Рунич*, *М.И. Вавич*, *А.Н. Уралский* и *А.Н. Розенфельд*. Две предприимчивые русские актрисы основали собственные кинопроизводства, выпускавшие фильмы русских и итальянских режиссеров: Берта Нельсон создала «Нельсон фильм» («Nelson Film»), а Диана Карени – «Давид-Карени фильм» («David-Karenn Film»). Следует заметить, что в те годы и в театре, и в кино была необыкновенно популярна тема России, и от «славянского шарма» актрис зрители теряли голову в буквальном смысле этого слова: «десятки экранизаций и мелодрам с разной мерой авторского вкуса и творческой оригинальности синтезировали в экранных образах лабиринты “загадочной славянской души”, патриархальное прошлое и трагические перипетии крушения старой России» (*Янширов Р.* Кино-статист как зеркало русской революции // Минувшее. М.; СПб.: Athenum-Феникс, 1994. Вып. 16. С. 332). В дальнейшем, начиная с 1930-х гг., различные русские писатели (особенно во Франции) работали над сценариями и фильмами, тогда как в Италии русские эмигранты чаще всего появлялись в эпизодических ролях.

В 1920-е – 1930-е гг. началось и программное обновление итальянского искусства: если в первое десятилетие XX в. польхал революционный огонь авангарда, то теперь художники брались за изобретение новых формальных языков. Широкая дискуссия, в которую были вовлечены представители разных стран, развернулась на страницах основанного Марио Брوليو и *Э.В. Цур-Мюлен* журнала «Valori Plastici». Будучи лабораторией художественных поисков, журнал объединил вокруг себя европейских художников и теоретиков, рассуждавших о кризисе современности и предлагавших переосмысление традиций прошлого, диалектически взаимодействовал с новаторством в искусстве. На страницах «Valori Plastici», который заметно выделялся на фоне периодики тех лет широтой международного сотрудничества и одновременно строгостью теоретической рефлексии впервые в Италии были напечатаны статьи о *В.В. Кандинском*, *А.Г. Явленском*, *А.П. Архипенко*, *О.А. Цадкине*, *М.З. Шагале*. Как вспоминал в автобиографии художник Карло Карра, «“Valori Plastici” был в Италии самым читаемым и привлекавшим наибольшее внимание журналом о современном искусстве <...> Брوليو был по-настоящему увлеченным издателем. Он был влюблен в качественные издания и больше всего на свете хотел собрать вокруг журнала са-

мых оригинальных и ярких представителей различных направлений в искусстве и критике Италии и других стран» (*Carrà C. La mia vita. Milano: Abscondita, 2002. P. 160–161*). Помимо журнала Брелло выпускал книжную серию, посвященную искусству и мастерам прошлого; в 1928 г. ему удалось привлечь к этой работе Муратова, который подготовил три книги: «Византийская живопись» (1928), «Фра Анджелико» (1929) и «Готическая скульптура» (1931).

Другим местом встреч и кузницей новаторских идей стало движение «Римская школа» («*Scuola Romana*»), названное также «Школа на улице Кавура» по адресу, куда в ноябре 1927 г. переехали *А.С. Рафаэль* и ее муж Марио Мафай. «Римская школа» была представлена разнородной группой художников, работавших в Риме в 1928–1945 гг., близких к европейскому экспрессионизму и нетерпимых к академическому классицизму, пропагандируемому фашизмом.

Участие русских художников обогатило такие итальянские международные выставки, как Биеннале в Венеции, Триеннале и Квадриеннале в Риме, Биеннале в Академии Бреры в Милане, а также выставки во Дворце делла Перманенте в Милане, на Вилла Реале в Монце и в художественных галереях многих итальянских городов. В произведениях целого ряда художников, избравших Италию как страну древних художественных традиций, в которой легче было сохранить и свое культурное наследие, характерные черты русской живописи (таков, к примеру, нарочитый характер композиций *Б.В. Зуева* и *И.Д. Зуевой*, яркий хроматизм *Ф.А. Малевича*, гротеск в графике *Л.И. Слуцкой*, русские мотивы в стилизациях *В.П. Никулина*) слились с темами и эстетикой итальянской живописи (элегантное равновесие работ *Ф.Г. Гозиасона*, пластичность фигур *Г.И. Шилляна*, итальянский пейзаж на полотнах *И.М. Карпова*, *П.В. Безродного*, *Ф.С. Бренсона*, влияние направления маккьяйоли в произведениях *Елина Даниельсона* и т. п.).

В межвоенное время Италия, подобно Акрополю искусства и культуры, стала центром притяжения и для других художников-эмигрантов, которые провели здесь творчески насыщенные периоды своей жизни: это живописцы и сценографы *Е.Г. Берман* и *Л.Г. Берман*, *Вера Идельсон*, *Б.Д. Григорьев*, *Ю.П. Анненков*, *П.А. Мансуров*, скульптор *Е.Л. Барянская*, и другие. Оказавшись в изгнании в Италии, словно под влиянием царящей атмосферы искусства, дебютировали (иногда на любительском уровне) и другие эмигранты, менее известные широкой публике: *О.В. Барятинская*, *О.К. Югина*, *Т.Р. Живаго*, *Елена Альбрехт фон Бранденбург*, *Ф.А. Клауфманн*.

Столь многочисленное сотрудничество русских театралов и художников с итальянскими культурными предприятиями и артистами не было случайностью, но отвечало общему настроению в мире театра, кино и искусства и совпадало с плодотворным периодом интенсивного интернационального диалога. Несмотря на 20 лет неужесточенного национализма и злополучной культурной автаркии фашизма, русское и итальянское искусство благодаря достижениям в совместных художественных исканиях проникли в самую сердцевину передовых поисков XX столетия, тонкими нитями вплетаясь в европейские течения.

7. Русская эмиграция первой волны безусловно представляет собой уникальный феномен и характеризуется

общими чертами, как с ясностью показало углубленное и плодотворное изучение этого явления в последние десятилетия. Тем не менее каждая страна, принявшая поток эмигрантов, представляет собой отдельную главу в истории эмиграции.

Завершая длительную работу по изучению русского присутствия в Италии – работу, главной целью которой было вернуть из забвения факты, лица и события, – закономерно поставить вопрос: существует ли специфика «итальянской главы» в истории русской эмиграции? И, если существует, то в чем заключается? Обобщая факты, изложенные в настоящем введении, мы можем сказать, что к Италии лишь отчасти могут быть отнесены общепринятые представления о характерной для пореволюционной русской эмиграции ментальной устойчивости и укорененности в национальных традициях, стремлении всячески сохранить собственную идентичность с опорой в своей культурной политике на собственные учреждения и организации и намеренной изоляции от культуры принимающей страны. Напротив, хорошо отражают отношение русских к Италии, которое сохранялось даже в драматических обстоятельствах эмиграции, слова *Н.А. Бердяева*: «Италия для нас не географическое, не национально-государственное понятие. Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества. Русская тоска по Италии – творческая тоска, тоска по вольной избыточности сил, по солнечной радости, по самоценной красоте» (*Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 367*).

Это особенное расположение к принимающей стране, интерес и восприимчивость итальянской культуры к художественно-литературному наследию России, а также существование на территории Италии «русского контекста», сложившегося еще до послереволюционного миграционного потока, – факторы, которые, несмотря на неблагоприятную экономическую и политическую ситуацию, создавали условия для особого развития феномена «русской Италии» в межвоенный период. Созданию этого феномена способствовали – как уже говорилось – не только те выходцы из России, которые, оказавшись в эмиграции, поселились в «стране солнца», но и многие другие, кто более или менее продолжительно находился в Италии и общался с представителями итальянского «культурного поля». Этот феномен возникновения человеческих связей и взаимопроникновения культур, которые мы попытались отразить в энциклопедии, является частью как истории русского зарубежья первой половины XX в., так и истории отношений Италии и России.

Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци

* * *

Составители выражают глубокую благодарность всем, кто помогал научному коллективу в работе над настоящей энциклопедией (библиотекарям, хранителям частных и публичных архивов, владельцам собраний материалов, коллекций и т. д.) за доступ к материалам, любезное разрешение пользоваться печатными и рукописными источниками, за консультации и сообщения ценных сведений.